

Алданов. Пещера. Том II Изд. Петрополис. Берлин. 1936. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

М.А. Алданов. "Пещера". Том II Изд. "Петрополис". Берлин. 1936. Владимир Владимирович Набоков

Вот она и закончена, эта стройная трилогия. Браун погиб, увлекая за собой весь мир: мир, который населен был героями «Ключа», «Бегства» и «Пещеры». Среди них образ Брауна особенно удался автору; та сочиненность его, о которой глухо толкуют в кулуарах алдановской славы, на самом деле гораздо живее мертвой молодцеватости литературных героев, кажущихся среднему читателю списанными с натуры. Натуру средний читатель едва ли знает, а принимает за нее вчерашнюю условность. В этой мнимой жизненности нельзя героев Алданова упрекнуть. На всех них заметна творческая печать легкой карикатурности. Я употребляю это неловкое слово в совершенно положительном смысле: усмешка создателя образует душу создания.

Думаю, что не всякий, проглотив этот второй том «Пещеры» (Алдановым библиофаг питается неряшливо и торопливо), оценит полностью очаровательную правильность строения, изысканную музыкальность авторской мысли. В частности, было бы глупой ошибкой жадно извлечь и вылизать «новеллу», которая вовсе не является искусственно вкрапленной, искусственно размещенной в романе, а, напротив, тонко связана с его основным ритмом и если возвращается вновь и вновь, нарастая и переливаясь, то не для поддразнивания праздного любопытства (и уж конечно, не ради литературной игры), а для вернейшего, внутреннейшего изображения главного лица в романе, написавшего «новеллу», – Брауна. Тот, кто выхватывал или пропускал страницы, относящиеся к ней, т. е. не читал книги подряд, многое потерял. Тут уместно отметить, что, судя по «Деверу», Браун был исключительно одаренным писателем (единственная стилистическая погрешность, которую придирчивость может у него добыть, это дважды повторенное на одной странице механическое слово «костюм»). Брауновская новелла, проникнутая высокой прохладой, выдержанная в синих тонах, дает всему роману тот просвет в небо, которого не хватало ему.

Итак: счастье Клервиллей распадается, Федосьев удаляется в пещеру, Витя, не без поощрительного кивка автора, бежит на войну, пошляк-газетчик становится фильмовым магнатом: перед самым самоубийством Браун на вокзале как раз видит его – роскошно отбывающего в Америку. Правда, в жизни Дон-Педро уехал бы за семь часов до или четыре дня после, совпадения не получилось бы; но не было бы никаких романов без совпадений, и автор вправе там и сям проглаживать складку судьбы.

Интересно и поучительно наблюдать приемы алдановского творчества. С прозрачной простотой слога, лишённого ложных прикрас (удивительно: слова у него даже не отбрасывают тени), как-то гармонирует строгая однообразность подступов: автор пользуется одной и той же дверью, скрытой в стене библиотеки, для вхождения в ту или другую чужую жизнь. Так, глава пятая («Клервилль не любил баккара»), восьмая («Публика действительно была парадная»), двенадцатая («Серизье не удалось выехать из Довила в первом поезде»), пятнадцатая («Большинство мелодий этой оперетки было знакомо Вите»), девятнадцатая («Для Клервилля наступило тяжелое время»), двадцатая («Клервилль оживился еще в автомобиле»), двадцать первая («Мистер Блэквуд сожалел, что назначил на этот день свидание») начинаются с утверждения, и эта одинаковость вступлений придает особую естественность повествованию. Другой типичный для Алданова прием – это система иронических (чаще всего иронически-исторических) сопоставлений: «как Коперник...», «как Мольер...», «как Людовик XIV...» («Альфред Исаевич сокрушался, что все еще не знает ни Ротшильдов, ни Шиффа, – как Коперник на смертном одре выражал скорбь, что не пришлось ему увидеть Меркурий»). На протяжении каких-нибудь пяти страниц (в сцене Серизье и его секретарши) есть даже некоторый переизбыток таких сравнений, как: «Серизье себя теперь чувствовал как писателя, становящийся при жизни классиком», «...спросила весело секретарша таким тоном, каким на маленьком балу... хозяин мог бы спросить Анну Павлову: "Разве вы не умеете танцевать вальс?" *», «Он иногда подводил мины под Шазалю, – вроде того как Расин писал "Андромаху" назло Корнелю», «Он говорил теперь с секретаршей, как Наполеон мог говорить с беззаветно преданным сержантом старой гвардии...». Кстати, начет Серизье: замечательно построена сцена прихода к нему Жульетт – с лейтмотивом спадающего носка. Когда она явилась, Серизье был не одет и, спеша, «натянул носки на панталоны пижамы», отчего, собственно, они должны были бы держаться и

Алданов. Пещера. Том II Изд. Петрополис. Берлин. 1936. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir без подвязок; однако во время разговора Серизье «вдруг почувствовал, что левый носок на ноге начинает спускаться». Через несколько строк «носок опустился до туфли, открыв волосатую ногу», а потом «перестал его беспокоить». Уходя, Жюльетт скользнула взглядом по этой волосатости и почувствовала позднее отвращение, хотя неизвестно, чего именно можно было ждать от ноги пожилого француза. Не менее замечательно написана и другая любовная сцена: «падение» Муси; но тут, мне кажется, не вполне оправдан переход (несмотря на коньяк) от восхитительно умного разговора к любовной возне, от политики к полу.

Смерть Брауна безукоризненна. Холодок пробегает, когда он ищет «бессмертие» в энциклопедическом словаре. Вообще, если начать выбирать из романа все сокровища наблюдательности, все образцы вдохновения мысли, то никогда не кончишь. Кое-чего все же не могу не привести. Как хорошо скучает Витя в первый день своего пребывания в Париже! «Витя с облегчением повесил трубку; в этом огромном городе нашелся близкий, хоть старый и скучный, человек». Не забываем старый еврей-ювелир, который «с выражением напряженного, почти страдальческого любопытства на лице, полураскрыв рот, читал газету». Все «письмо из России» великолепно, и особенно описание, как Ленин с шайкой «снялся для потомства». «За его стулом стояли Троцкий во френче и Зиновьев в какой-то блузе или толстовке». «...Какие Люциферовы чувства они должны испытывать к нежно любимому Ильичу...» «А ведь, если б в таком-то году, на таком-то съезде, голосовать не так, а иначе, да на такую-то брошюру ответить вот так, то ведь не он, а я сидел бы "Давыдычем" на стуле, а он стоял бы у меня за спиной с доброй, товарищески-верно-подданической улыбкой!» Это звучит приговором окончательным, вечным, тем приговором, который вынесут будущие времена.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!